

СИНЕСТЕЗИЯ И МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ЭКОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ ЭМОЦИЙ

Ю.Ю. Шамаева, канд. филол. наук (Харьков)

В статье предпринята попытка интегративного переосмысления основ метафоризации как наиболее эффективного способа исследования (периферии) эмоциональных концептов в русле когнитивной лингвистики, психологии, лингвокультурологии. В результате анализа с точки зрения логики, психолингвистики, культурологической семиотики было доказано, что концептуальным основанием метафоры является синестезия.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, синестезия, концепт, эмоциональный концепт.

Ю.Ю. Шамаєва Синестезія і метафора як лінгвокогнітивна екологія концептів емоцій. У статті зроблено спробу інтегративного переосмислення засад метафоризації як найефективнішого засобу дослідження (периферії) емоційних концептів у річці когнітивної лінгвістики, психології, лінгвокультурології. Результатом такого аналізу є обґрунтування автором статусу синестезії як концептуального підґрунтя метафори з точки зору логіки, психолінгвістики, культурологічної семіотики.

Ключові слова: метафора, концептуальна метафора, синестезія, концепт, емоційний концепт.

Yu.Yu. Shamajeva. Synesthesia and metaphor as linguocognitive ecology of emotional concepts. The article presents an attempt of reconsidering integratively the basis of metaphoricization as the most efficient way of studying the (periphery) of emotional concepts in the framework of cognitive linguistics, psychology, linguoculturology. As a result of the analysis the status of synesthesia as the conceptual basis of metaphors has been substantiated from the point of view of logics, psycholinguistics, culturological semiotics.

Key words: metaphor, conceptual metaphor, synesthesia, concept, emotional concept.

Целью настоящей статьи является психолого-лингвокогнитивный анализ взаимосвязи между явлениями синестезии и метафоризации как механизма поддерживающего эмоциональные концепты в языковом сознании и обеспечивающего их объективацию средствами естественного языка.

Достижение данной цели предполагает осуществление следующих задач: обоснование статуса (концептуальной) метафоры как наиболее эффективного средства изучения (периферии) эмоциональных концептов; выявление синестетического основания метафоризации как акта конституирования этносемантической субъективности экспериенцера эмоции посредством вербальной репрезентации соответствующего эмоционального концепта.

Важное место в концептосфере любого национального языка занимают эмоции – «социокультурный феномен, выполняющий множество функций, в том числе и когнитивную» [12, с. 38]. В русле парадигмы лингвистического концептуализма XXI столетия (В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Т.А. Фесенко, А.Н. Приходько, С.А. Жаботинская, И.С. Шевченко, Е.И. Морозова, N. Love, G. Lakoff, R. Langacker и др.) проблемы отражения эмоционального опыта в языке, находящиеся в фокусе нашего исследовательского интереса, приобретают все большую актуальность по следующим причинам. С одной стороны, потребность в новом синтезе, казалось бы, разных,

но в действительности онтологически близких наук – лингвистики, философии, психологии, культурологии – ставит перед современными учеными задачи, связанные с поиском новых фундаментальных оснований исследования мира [21]. В этой связи, междисциплинарные эмотиологические студии окончательно перемещаются в сферу лингвокультурной когнитологии [7; 26], и в центре внимания оказываются такие вопросы, как способы репрезентации эмоции на ментальном и языковом уровнях, типы объективирующих эмоции когнитивных и языковых структур и механизмы их взаимодействия, типология языковых средств передачи определенного эмоционально-концептуального содержания и многие другие (Н.Н. Болдырев, В.И. Шаховский, Н.А. Красавский, С.Г. Воркачев, М.М. Полюжин, О.Л. Бессонова, А.И. Приходько, Z. Kovacs, V. Zammuner, M. Jarai и др.). При этом одним из центральных становится понятие кода эмоции [25], вытекающее из представления о культуре как концептуально-семиотической системе. С этой точки зрения эмоции обретают в процессе их познания глубокий когнитивно-семиотический смысл [9; 11]. По словам Е.С. Кубряковой «... способность интерпретировать вещи и эмоции как знаки ... ярко свидетельствует о том, что сам процесс понимания мира есть процесс инференционный, к тому же требует семиотической компетентности людей» [13, с. 96-97]. Отсюда следует, что код эмоции (е

концепт) представляет собой специфическую когнитивно-семиотическую систему, в которой концептуальные и лингвистические средства могут использоваться для кодирования одного и того же эмоционального содержания, сводимого в целом к эмоциональной картине мира, к эмоциональному мировоззрению лингвокультурной общности. Это позволяет рассматривать концептуальный код эмоции, подобно коду культуры как «сетку, которую она «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [10]. Однако в современных теориях эмоций (К.Е.Изард, В.Вилюнас, М.Аргайл, Ю.К.Стрелков и др.) до сих пор не имеется исчерпывающего ответа на вопрос о том, как же декодируются эмоции, т.е. каким образом происходит их концептуализация и вербализация. Это объясняется недостаточной степенью разработки как понятийно-категориального, так и экспериментально-методологического аппарата для описания концептов эмоций, что обуславливает своевременность нашего исследования.

С другой стороны, в свете общих насущных задач, выделяемых сегодня при изучении языка, центральными становятся вопросы выхода за пределы собственно языковых знаний и обращения к знаниям психолого-энциклопедического характера, участвующим в смыслоформировании [2; 23], «проблема трансцендентных содержаний, находящихся за пределами языка и языкового мышления» [3, с. 38]. В этом русле именно метафоризация как познавательный процесс, который, согласно Н.Н.Болдыреву, максимально соотносится с системой знаний картины мира, представленной в сознании индивида в виде (эмоциональных) концептов и категорий, образуя их лингвокогнитивную экологию [4, с. 24], представляется одним из наиболее эвристически и методологически эффективных средств изучения (периферии) эмоциональных концептов. В рамках подхода к когниции как распределенному процессу поиск подобных средств весьма актуален, ибо языковой способ объективации эмоции отнюдь не репрезентирует когнитивные процессы, но преобразует каузальные связи между мозгом, телом и миром [15, с. 106-110; 27]. Метафора же, таким образом, выступает vitalным для функционирования эмоционального концепта механизмом, центрирующим эмоциональную концептосферу относительно её антропогенной языковой реализации, создавая и эксплицируя каскад аксио-

логических, целевых, возрастных и прочих «когнитивных зеркал» (термин Г.Л.Тулчинского [21]) – локализованных в языковом сознании потенциально вербализуемых когнитивных образований, отражающих и преломляющих поток обрабатываемой мозгом (эмоциональной) информации, насыщающих его этносемантический спектральный состав новыми психо- и концептуально-эмоциогенными составляющими, конституируя этносемантическую субъективность экспериенцера эмоции посредством вербальной репрезентации соответствующего эмоционального концепта.

Необходимость более глубокого понимания метафоры усугубляется еще и тем, что помимо всего прочего она служит своего рода основанием для образования и функционирования когнитивной категории «фокус концентрации» эмоционально-языкового сознания. Вышеупомянутый фокус концентрации представляет собой культурно-детерминированную субъективную конкретно-чувственную или ассоциативную совокупность присутствующих в концептосфере когнитивных признаков, которые концентрируются в сознании этносемантической личности в данный момент, в данном месте или в данном социально-культурном контексте [5]. Проецируясь на множество концептов, эта динамичная категория подобно порождающей её статичной генерализующей категории «я как носитель сознания» также расслаивается на множество производных, формируя фокус актуализации соответствующего эмоционального концепта, который на сегодняшний день является еще недостаточно исследованным объектом современной эпистемологической аттракции.

В этой связи, новизна нашей работы определяется попыткой интегративного переосмысления основ метафоризации как онтологической лингвокогнитивной целостности по отношению к объективации концептов эмоций (преимущественно, их периферии) в свете когнитивной лингвистики, психологии, лингвокультурологии лингвистической философии. Результатом такого переосмысления становится определение синестезии как основы метафорической мыследеятельности с одновременной констатацией функции метафоры, как концептуально-лингвистического механизма конституирования (эмоциональной) этносемантической субъективности

Объектом исследования является метафора как средство языковой актуализации (периферии) эмо-

ционального концепта, а предметом – её синестетические характеристики.

В последнее время психологами и филологами широко исследуется явление синестезии (Б.М.Величковский, И.В.Полозова, Н.А.Кобрина, W.Croft, D.Rosenthal и др.), что в переводе с греческого означает «соощущение». Еще Б.Уорф обратил внимание на это явление, характеризуя его как возможность восприятия с помощью одного чувства явлений, относящихся к области другого чувства [22], что, на наш взгляд, пересекается с явлением схолии в психологии эмоций [20, с. 60-61]. Последнее является способностью индивида гармонизировать тот или иной личностный эмоционально-волевой, ментальный либо телесный параметр посредством воздействия на параметр другого порядка. Развивая предположение Б.Уорфа, представляется, что синестезия в наиболее полной мере реализуется в метафорической системе, которая передает непространственные представления (главным образом сфера мысли, эмоции, звука) с помощью пространственных (сфера цвета, света, зрения, тактичности, т.е. всего того, что дает нам формы, структуру измерения). Возможно, именно через метафоризацию, которая, объективируя, неизбежно искажает мысли и эмоции, достигается результат создания глубинного восприятия единства, лежащего в основе разномодальных явлений/концептуальных сфер.

В когнитивной психологии явление синестезии рассматривается в связи с феноменальной памятью, которая сопровождается синестезией. По формулировке Р. Солсо, синестезия – это именно то состояние, при котором ощущения одной модальности вызывают ощущения другой модальности [6, с. 164-255]. Иными словами, речь идет о наличии в языковом сознании, как минимум, двух интегрированных интенциональностей – так называемой прямой, связанной с полаганием объектов и предметов мысли/эмоции, и *intencia seconda*, связанная с полаганием (концептуальных) пространств, в которых эти объекты могут существовать в результате соощущения. Вторая интенциональность носит рефлексивный характер, соотносится с введением правил предметизации (наделения пространственно-физическими признаками) и может опосредоваться специальными понятиями (структурными, в нашем понимании), онтологическими и логическими конструкциями, которые являются культурно маркированными [24].

Итак, явление синестезии понимается в (когнитивной) психологии как возникновение под влиянием раздражения одного анализатора ощущения, характерного для другого анализатора, что, по нашему мнению, есть свидетельством взаимосвязи анализаторных систем человека и целостности чувственно-ментального (эмоционально-когнитивного) отражения объективной лингвокультурной действительности в сознании индивида с точки зрения науки о языке. Традиционно лингвистика (начиная с русской классической поэзии XVIII века) рассматривает синестезию как употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств [8]. В XX веке понимание явления синестезии связывается с анализом механизма переосмысления значения слов с точки зрения того, какие свойства концепта делают возможным употребление наименований одной сущности для обозначения другой. Говорящий, используя синестезию, фокусирует внимание на тех компонентах структуры представления знаний, которые отвечают условиям подобия, аналогично явлениям метафоры. При этом единство вербальных, визуальных, слуховых и прочих чувственных форм с психо-эмоциональным образом объекта рассматривается как отражение объективного мира.

С учетом новых задач и перспектив в решении проблемы соотношения концептуально-языковых и трансцендентных содержаний, к которым относятся эмоции и их концепты, описанные выше толкования синестезии и метафоры не представляются исчерпывающими. Поэтому, исходя из трактовки синестезии как предельного состояния «символической деятельности» (в терминах мыследеятельностной методологии М.К.Мамардашвили [19]), как своеобразной топологизации языкового сознания, в качестве гипотезы можно высказать предположение о том, что именно синестезия является глубинным основанием метафоры как формы (эмоционального) мышления, принадлежащим сфере бессознательного.

Приведем ряд доказательств. Во-первых, с точки зрения апофатической логики метафора рождается, воспринимается и несет в себе концентрированную информацию не благодаря логическим законам, а вопреки им. «Никакая логика не может привести к появлению метафоры, которая... представляет собой результат некоего озарения» [18, с. 70]. Можно заключить, что основания метафоры не принадлежат фор-

мально-логическому мышлению, а восходят к области бессознательного (синестетического, согласно Д.Спаррету [27]), обнаруживая присутствие в объекте осмысления весь возможный континуум полярных смыслов и ставя под сомнение тождественность вещей/эмоций самим себе. Кроме того, тогда как логические процедуры являются, как правило, многоступенчатыми, эмерджентные результаты синестезии, как и метафоризации, воспринимаются мгновенно, что соответствует модели работы мышления Д. Бомба, в соответствии с которой «поведение нашего метафорического мышления .. неявно отражает некоторые квантово-механические свойства материи, из которой мы состоим, соощущая её» [18, с. 76]. Сам же факт, что метафора не нуждается в пояснениях, говорит о том, что она восходит, подобно синестезии, к сфере бессознательного

Во-вторых, аргументом в пользу утверждения синестетического основания метафоры может служить значимость метафоры для психоанализа, работающего со сферой бессознательного. У самого З.Фрейда способом существования организации области бессознательного/эмоционального является перенос, который по сути и представляет собой (концептуальную) метафору (напомним, что слово «метафора» в переводе с древнегреческого и означает, собственно, «перенос»). Подтверждая тезис о базальной связи метафоры с областью синестетического бессознательного можно привести также вывод известного французского психоаналитика Ж.Лакана (1901-1081) относительно того, что синестетическая реальность представляет собой не что иное, как язык, который Лакан характеризует как изначальный первичный язык, предшествующий сознанию [16]. Отсюда, обращение к метафорам есть наиболее эффективным способом психотерапевтического воздействия, так как их язык является собственным для области бессознательного. Связывая эту область и процессы синестезии/метафоризации с правым полушарием мозга и считая, что эти явления имеют отношение к концептуальной картине мира индивида и его психосоматической симптоматике, современные психолингвисты и когнитологи видят прямую связь между метафорой, областью бессознательного, лингвокультурными установками и психокорректирующим воздействием. Полагаем, что объяснением этому может быть тот факт, что синестезия сама образует пространство вербализуемых онтологических схем концеп-

туальных метафор, по сути являющихся своего рода «конфигураторами, связывающими разные (предметные) области в новую область знания/ощущения» [19, с. 26], средством, позволяющим транслировать, модифицируя, знания из одной области в другую с их последующим прогностическим анализом.

В-третьих, с точки зрения семиотики культурологическое доказательство может быть основано на важнейшем значении метафор для примитивных обществ, где они выступали основой объединения и понимания культурного материала, начиная с самого раннего периода человеческой цивилизации, когда еще личностное не выделилось из архаической стихии коллективного бессознательного [14]. На раннем этапе развития нашей цивилизации реальные события, явления, предметы, способные вызывать определенные эмоциональные реакции, не имели, по-видимому, четкой концептуально-вербальной дифференциации. Вероятно, они представляли собой некий единый комплекс общих, синкретично организованных представлений индивида о самом объекте физического мира и соответствующем эмоциональном отношении к нему.

В дальнейшем, синестетически-метафорические аналогии (и даже контрверсии, согласно Н.Д.Арутюновой [1, с. 18]), опирающиеся на синкретизм языкового сознания этносемантической личности, стали надежным способом сохранить увиденные сходства уже в коллективном сознании, будучи культурной «моделью (схемой, способом), по которой сознание человека основываясь на исходном (имеющемся) содержании знака, формирует новое представление» [17, с. 185] (вспомним, например, древнейший индоевропейский миф о сотворении мира и его концептуально-метафорические следы в разных языках, а отсюда и великую антропоморфную структурную метафору – мир уподобляется телу человека, базируясь на разномодальном соощущении). Метафора наследует синестетические признаки и в том, что они проявляют «сложную зависимость от тесного переплетения лингвистического и экстралингвистического опыта человека, обуславливаясь как знанием мира реалий, так и знанием некоего психо-семантического образа, создаваемого определенной метафорической структурой при этом не столько называя лингвоментальную связь, сколько возбуждая культурное представление о её существовании» [14, с. 64]. При этом многие метафоры отличает культурный параллелизм,

независимое обращение в разных культурах одним и тем же концептуальным областям для репрезентации области-цели, что особенно часто наблюдается при метафорическом осмыслении эмоций, в чем также проявляется синестетическая природа этого лингвокогнитивного процесса.

В заключение резюмируем изложенное выше. Опираясь на рассмотренные доказательства, будем считать метафору концептуально-языковым выражением глубинных бессознательных процессов, одним из которых является синестезия, генерирующая метафоры. Подобно синестезии, метафора представляет собой одну из наиболее фундаментальных форм человеческого мышления. А выход за пределы языка и использование в качестве репрезентативного средства неязыковых объектов показывает, что как принцип ментальности она лежит за пределами языка. Соответственно вербализованные (концептуальные) метафоры (эмоций) как средство выражения этносемантической субъективности экспериенсера – это лишь частное проявление более общей способности человека к заместительной репрезентации содержания, при которой в качестве формы реализации мысли используется нечто отличное от нее самой, т.е. синестезии. В этой связи межкультурное психолингвистическое исследование синестезии концептуально-метафорической объективации эмоциональных концептов с последующим анализом лингвистических механизмов конституирования лингвокультурной субъективности в различных лингвокультурах составляет перспективу нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
 2. Апресян Ю.Д. О московской семантической школе / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 3-31.
 3. Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) / Г.И. Берестнев // Вопросы языкознания. – № 1. – 2008. – С. 37-65.
 4. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
 5. Борисенкова Л.М. Когнитивная система представления мира (на материале словообразования немецкого языка) / Л.М. Борисенкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1. – С. 62-69.
 6. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии и познания / Б.М. Величковский. – Т.1. – М.: Академия, 2006. – 448 с.
 7. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
 8. Григоренко О.В. О некоторых осо-

бенностях отражения в языке процессов чувственного познания мира / О.В. Григоренко // Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 51-54.
 9. Кириленко Т.С. Психологія емоційна сфера особистості: навч. посібник / Т.С. Кириленко. – К.: Либідь, 2007. – 254 с.
 10. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л. Ковшова // Изв. РАН. Сер. Литературы и языка. – 2008. – Т. 67, № 2. – С. 60-65.
 11. Колбіна Н.В. Когнітивно-семіотичний підхід до вивчення мови / Н.В. Колбіна // Англійська філологія: проблеми лінгвістики, літературознавства лінгводидактики. – Полтава: Техсервіс, 2007. – С. 46-53.
 12. Красавский Н.А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка: опыт этимологического анализа / Н.А. Красавский // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 38-43.
 13. Кубрякова Е.С. О семиотически маркированных объектах и семантически маркированных ситуациях в языке / Е.С. Кубрякова // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2005. – С. 95-101.
 14. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.
 15. Лав Н. Когниция и языковой миф / Н. Лав // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 105-134.
 16. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – М.: Книга, 1995. – 63 с.
 17. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура учеб. Пособие / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2004. – 432 с.
 18. Полозова И.В. Глубинные основания метафоры / И.В. Полозова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. – 2004. – № 3. – С. 70-84.
 19. Попов А.А. «Схема» и «символ»: на пути к не-дискурсивной концепции мышления / А.А. Попов, И.Д. Проскуровская // Философия науки. – № 3 (37). – 2008. – С. 18-32.
 20. Спиноза Б. О могуществе разума или о человеческой свободе / Б. Спиноза // Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2004. – С. 59-62.
 21. Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности / Г.Л. Тульчинский – М.: Алтейа, 2002. – 677 с.
 22. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // История языкознания в очерках и извлечениях. – М.: Книга, 1960. – С. 198-225.
 23. Чистанов М.Н. Лингвистический поворот как отражение кризиса онтологии / М.Н. Чистанов // Философия науки. – 2008. – № 2(37). – С. 33-43.
 24. Щедровицкий П.Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы / П.Г. Щедровицкий // Вопросы философии. – № 7. – 2007. – С. 36-54.
 25. Эко У. Отсутствующая структура Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Питер, 2004. – 280 с.
 26. Gasler N. Cognitive approach in emotion taxonomy / N. Gasler // Journal of personality. – 2008. – Vol. 9, #2. – P. 205-237.
 27. Spurrett D. Distributed cognition and integrational linguistics / D. Spurrett // <http://www.psy.herts.ac.uk/dlg/abstracts/html>